

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Аузония Калабрис
В защиту каннибализма
Мамалыга – другое дело!
27.12.2018

Скопировано 01.05.2020 с
<https://vk.com/@zubynapolku-in-defence-of-cannibalism>
<https://theanarchistlibrary.org/library/in-defense-of-cannibalism> (Перевод J. G.)

ru.theanarchistlibrary.org

В защиту каннибализма

Мамалыга – другое дело!

Аузония Калабрис

27.12.2018

I

В период, предшествовавший колонизации, в честь фестиваля, проводившегося в Ацтекской империи по случаю Весеннего равноденствия, с раба, захваченного в плен, живьем сдирали кожу.¹ В ходе церемонии *Нетеотквилицтли* в содранную с него кожу облачался ацтекский жрец, перевоплощаясь тем самым в Шипе-Тотека, «Бога со снятой кожей». В течение тех нескольких месяцев, что предшествовали принесению раба в жертву, его почитали как живое воплощение (*ишиптла*) Шипе-Тотека. По прошествии

---

¹ В большинстве областей Северной Америки в качестве нормальной практики установился обычай вести «бескровные» войны между соседствующими племенами – в ходе сражений преследовалась, главным образом, единственная цель: захватить как можно больше пленных из числа вражеских воинов. Ирокезы прибегали к этому ради того, чтобы найти замену своим погибшим соплеменникам, однако ацтеков пленные интересовали исключительно постольку, поскольку их можно было использовать в своих ритуалах в качестве жертв. Во многом, именно этим и обусловлено военное поражение индейцев в битвах с европейскими завоевателями.

двадцати дней кожу снимали, и считалось, что она обладает магической силой. Тело раба расчленили, а члены его раздавали представителям племени.²

Шипе-Тотек почитался как божество плодородия. Считалось, что он олицетворяет жизненный цикл кукурузы – важнейшей сельскохозяйственной культуры Мезоамерики и главной составляющей рациона её жителей, а кроме того, согласно эпосу Пополь-Вух, почитавшейся как та субстанция, из которой боги некогда сотворили людей.³ Свежевание символизировало шелушение кукурузного початка, а вместе с тем – и обновление полей.⁴ Ацтеки усматривали прямую связь между человеческой плотью и кукурузой. Во время приготовления традиционного блюда *поцолли*, предшественника современного *позоле*, мамалыга из белой кукурузы смешивалась с бульоном, сваренным из человеческой плоти.⁵ Собак, выращиваемых на убой, откармливали кукурузой, дабы сбалансировать отношения между ними и людьми.⁶ В автохтонной религии Мезоамерики к собакам относились с религиозным трепетом, поскольку считалось,

---

² Мы почти не располагаем свидетельствами в пользу того, что в подобных случаях ацтеки употребляли конечности принесённых в жертву людей, однако такая гипотеза не лишена оснований, поскольку, во-первых, культ Шипе-Тотека был связан с маисом, и во-вторых, на подобную практику не распространялись какие-либо табу.

³ В целях общего ознакомления читателю рекомендуется обратиться к поэтическим переводам Майкла Бэзетта (Michael Bazzett). Среди академических изданий хотелось бы отметить перевод Аллена Дж. Кристенсона (Allen J. Christenson) – очень точный и снабжённый подробными аннотациями.

⁴ См. *The Life-cycle of a Tezcatlipoca Ixiptla; the Rendering of Teotl*, 2005

⁵ Как сообщает Бернардино де Саагун во «Всеобщей истории Новой Испании».

⁶ См. *Histories of Maize in Mesoamerica: Multidisciplinary Approaches*. Отдельный интерес представляют многочисленные барельефы «откормленных собак», обнаруженные на территории мексиканского штата Колима и изображающие псов, пожирающих кукурузные початки.

что на них возложена роль психопомпов, сопровождавших своих хозяев в загробный мир. В силу священного статуса этих животных, перед тем, как отправить их на убой, требовалось отдать им все почести и соблюсти установленные ритуалы. Таинство жертвоприношения было тесно переплетено с мировоззрением жителей Мезоамерики и пронизывало все аспекты жизни их общества.⁷

Будучи божеством плодородия, Шипе-Тотек наделялся также эротическими и властными атрибутами. Снятая кожа, помимо прочего, символизировала крайнюю плоть, оголяемую («отбрасываемую») перед соитием. Схожие ассоциации мы обнаруживаем и в других ритуалах, требующих человеческих жертвоприношений, ибо священная война между городами-государствами (*шочийяойётль*, буквально – ‘война цветов’) рассматривалась как форма полового акта или соития. Пленники, захваченные в этих сражениях с целью принесения в жертву, именовались «детьми».⁸

II

В 1325 году, за 225 лет до основания ацтекского Тройственного союза, Балдуин I, глава престола Иерусалимского королевства крестоносцев, якобы купил в Земле Израильской крайнюю плоть самого Иисуса Христа. Как и в случае с фаллической плотью Бога со снятой кожей, считалось, что Священный препуций обладает целым рядом чудодейственных свойств. Этим мощам приписывали даже способность творить чудеса – например, сообщалось, что на белом холсте, в который они были обёрнуты, проявлялись три капли крови.⁹ И хотя описываемый Священный препуций можно назвать, пожалуй, одной из самых из-

---

⁷ См., опять-таки, Пополь-Вух (см. прим. 3).

⁸ См. *The Life-cycle of a Tezcatlipoca Ixiptla; the Rendering of Teotl*, 2005

⁹ См. *God's Doodle: The Life and Times of the Penis*.

вестных реликвий в истории, за исключением, разве что, Туринской плащаницы, этот образчик – отнюдь не единственный в своём роде. По меньшей мере восемнадцать различных церквей в разное время заявляли о том, что среди хранящихся в них святынь имелась и крайняя плоть, принадлежавшая если не самому Христу, то какому-нибудь святому. В 7-м каноне свода постановлений Второго Никейского собора, изданного в 787 году, налагался запрет на освящение храмов, в которых не имелось мощей.

Вдобавок, мощам отводилась и важная экономическая роль: в поисках крова и хлеба в населённые пункты, окружавшие храмы, стекались паломники, а подношения, оставляемые ими у алтарей, служили источником прямого дохода для духовенства. Несмотря на официальный запрет на торговлю мощами, наложенный в X столетии, вокруг деятельности, связанной с человеческими останками, образовалась целая индустрия. И хотя человеческая плоть в пищу не употреблялась, традиция каннибализма, сопряжённая с торговлей мощами, принимала символический или опосредованный характер.

Та основная форма, которую поедание человеческой плоти приняло в Западном мире, была призвана скрыть или затушевать столь же отвратительный, сколь и сущностный аспект этой практики, для чего ей было необходимо придать настолько отчуждённый характер, насколько это было возможно. С XVI по XX век человеческий жир входил в состав масла, использовавшегося для мирропомазания: некогда этот компонент был известен под названием *Axungia hominis*, а в современную эпоху – как *Humanol*. Человеческие органы находили применение и в производстве других продуктов, включая вытяжку из человеческих черепов, настоящую на спирту, а художникам предлагался пигмент под названием «мумийная умбра» – изготавли-

вали, да и то скорее по чистой случайности, – то всякая связь, что имела она со своей сущностью, была безнадежно утрачена. Идеология цивилизации до такой степени пронизала все аспекты бытия, что её шрамы проглядывают даже на биологическом уровне, отражаясь в тех способах, которыми тот или иной человек находит себе пропитание – идеология эта не имеет истории или бытия, но соткана лишь из атомов, её образующих. А что до самих этих атомов, то они, в определённом смысле, представляют собой живых мертвецов: живых, поскольку атомы эти служат источником пропитания и предметом оживлённой торговли, и мёртвых, коль скоро им отказано в праве нести на себе бремя души.

Примечания:

что каждый вынужден конкурировать со всеми и все шагают друг другу по головам в процессе бесконечного дробления личности... Речь более не идёт об оппозиции масса/индивид. Индивиды превратились в 'дивидов', в те же массы, выборы, данные, рынки – в «банки».

Что же касается ритуального каннибализма, кристаллизованного в форме табу, то он сохранил свой «сущностный», потребительский, аспект – и как раз по этой причине подвержен стигматизации. Человеческое существо в процессе своего становления почитается как нечто священное, а посему его убийство и потребление в пищу низведено до профанного уровня. Такая практика, как поедание члена своей семьи, считается чем-то невыносимым, хотя по-прежнему довольно распространена, к примеру, в некоторых районах Папуа – Новой Гвинеи, где воспринимается даже как что-то само собой разумеющееся, как неотъемлемая часть ритуала оплакивания. Даже в тех случаях, когда речь заходит об относительно редкой практике экзоканнибализма (поедании людей, не являющихся членами племени, чаще всего – во время войны), принято считать, что те, кто поедают плоть поверженного врага, вбирают в себя силу, сокрытую в «пище».

V

Подводя итог, можно сказать, что каннибализм, пожалуй, являет собой единственный способ пропитания, в котором сакральная связь с тем, что употребляется в пищу, ещё не была окончательно утрачена. Будучи подвергнутым стигматизации и порицанию как нечто примитивное и нецивилизованное, каннибализм, в его материальных воплощениях, по-прежнему хранит в себе отголоски того примитивного и нецивилизованного мироощущения, в рамках которого принятие пищи почитается как некая форма таинства. Что касается любой другой пищи – за исключением, разве что, гостии, используемой в Евхари-

валась эта краска из египетских мумий, перемолотых в пыль.¹⁰

Несмотря на широкое распространение подобных форм каннибализма в Европе, со временем на них было наложено табу, что отчасти было продиктовано колониальным высокомерием в отношении аборигенных племён. Даже само по себе слово «каннибал» является искажённым заимствованием, производным от слова «кариб», как называли себя коренные жители Кубы и Эспаньолы. Практики, связанные с человеческими жертвоприношениями и поеданием человеческой плоти, нашли своё отражение в колониальном восприятии мифологизированного дикаря – человека, враждебного цивилизации. Облагороженная форма убийства направлена на то, чтобы источник пищи – насколько это возможно – был отчуждён от самого по себе живого создания. Здесь мы имеем дело с некой инверсией Евхаристии. С одной стороны, во время Преосуществления гостия сохраняет свою субстанцию, тогда как эссенция её буквально преобразуется в тело Христово. С другой же стороны, во время убийства тело живого существа не претерпевает никаких изменений, однако эссенция его преобразуется в нейтральную и обезличенную плоть.

III

В качестве артефактов, напоминающих об эпохе норманнских завоеваний, можно привести слова, используемые в английском языке для обозначения большинства животных: чаще всего они восходят к латинскому и германским языкам, причём латинские словоформы, как правило, употребляются в отношении пищи, приготавливаемой из мяса этих животных, тогда как германские – в отношении животных «самих по себе». Так, 'sheep' (овца) восходит к англо-саксонскому 'scēap', тогда как 'mutton' (ба-

¹⁰ См. *A Brief History of Medical Cannibalism* (Lapham's Quarterly).

ранина) является производным от французского 'moton'. Или, например, 'cow' (корова) – слово это образовано от англо-саксонского 'cū', в то время как 'beef' (говядина) – от французского 'boef'. Когда норманны образовали правящий класс, те слова, что они использовали в гастрономическом контексте, стали употребляться параллельно с теми словами, что использовались низшими классами для обозначения животных как таковых; этот пример иллюстрирует, как этимология может нести в себе своеобразные отголоски феодальной системы, отпечатанные в коллективной памяти англичан.¹¹

Этим объясняется та парадоксальная ситуация, что в тех областях, где английское наречие закрепилось в качестве обиходного (и чаще всего эта практика насаждалась насильственно), дети зачастую не способны уловить связь между мясом и соответствующими животными. Для многих из них такое осознание оказывается в известной степени травмирующим – впрочем, рано или поздно травма эта сходит на нет, сменившись чувством апатии, или загоняется вглубь сознания, где и продолжает вызревать до тех пор, пока не станет источником когнитивного диссонанса.

По сути, весь процесс развития цивилизации олицетворяет собой отчуждение от мира природы. По мере того как на смену натуральному хозяйству приходило массовое производство, человек всё в большей степени противопоставлял среду своего обитания окружающему миру. Целебные и животворные качества пищи, некогда приписываемые сущностным силам и неразрывно связанным с ними мистическим аспектам бытия, стали восприниматься лишь как производные обычной материи, образующей эту пищу.

IV

¹¹ См. *Anglo-Saxon and Latinate Words* (M. Birch).

Однако на Западе подобное отчуждение проглядывает и в том, что касается поедания человеческой плоти. Тело человека служит источником множества продуктов, находящихся сегодня самое широкое применение – начиная с фибробластов, получаемых из крайней плоти и используемых в косметике, и заканчивая торговлей донорскими органами – занятием весьма прибыльным, хотя и не всегда легальным. Рынок плазмы, получаемой из крови живых людей, растёт с каждым днём. Благодаря прогрессу в области биотехнологий, даже генетический код стал предметом купли-продажи – более того, по итогам генетического теста, сделанного по постановлению суда, судебное дело даже может быть выведено в отдельное производство. Выражаясь менее буквально, совокупность человеческих личностей может быть представлена в виде банков данных, собранных из фрагментов информации, разбросанных по социальным сетям, реклама в которых – это настоящая золотая жила; и вот уже алгоритмы научились персонализировать эту рекламу, отражая в ней личный характер конкретного человека. Делёз окрестил такой гибрид, образованных данными и личностью, *дивидом*, имея в виду нечто, утратившее свойство неделимости – нечто такое, что может быть раздроблено на множество частиц.¹²

Фабрика сформировала индивидов, объединённых в единое тело, – это было выгодно и боссу, ибо теперь ему проще было контролировать каждый элемент, растворённый в массе, и профсоюзам, ибо теперь им проще было мобилизовать массовый протест, Однако корпорация постоянно стремится представить дело таким образом, будто самое неприкрытое соперничество представляет собой здоровую форму состязательности и прекрасный источник мотивации, несмотря на то,

¹² См. Делёз, «Post Scriptum к «Обществам контроля»».